

Вадим Ланда

Пять рассказов

Битва

«Кого ты решил защищать? – вскричал Мышиный король. – Этих двуногих? Ты в прошлом сам из них, да помнишь ли, кто они? Если нам что-то необходимо, мы не отнимаем этого друг у друга! Они отнимают – даже если необходимого достаточно для всех. Мы не убиваем друг друга. Они убивают – хотя бы для того, чтобы не существовало никого с другим мнением. Когда нам страшно, мы боимся. Они боятся так же, но от страха придумывают богов и дополнительно пугают ими друг друга».

«Как можешь ты, животное, отрицать существование человеческого бога?» – возмутился Щелкунчик и замахнулся сабелькой. «А я не отрицаю, если это тот, о котором говоришь ты, – возразил Мышиный король. – Только они, разглагольствуя, что бог везде и во всем, а значит, и в любых его изображениях, уничтожают те, что не укладываются в их миф. Это ли не лицемерие?» – «Не тебе, мыши, рассуждать об этом», – вновь возмутился Щелкунчик. «Может, и не мне. Но если нам что-нибудь нужно – мы идем и делаем. Люди просят это у него – хотят получить все за так. И при этом повторяют: «Не сотвори себе кумира». – «Ладно, Мышиный король, давай закончим теософские беседы. Они тебе не помогут!» – «А с чего ты взял, что мне нужна помощь? Наша сказка рассказывалась не раз, и мы прекрасно знаем, чем она закончится. Даже если твоя покровительница Мари и попадет в меня тапком – битва между мной и вами произойдет снова и снова. И не будет в ней победителей». – «А все-таки, – сказал Щелкунчик, – Амадей Гофман сочинил именно так.

И он знал людей. Значит, они не так уж плохи». – «Но он был мало осведомлен о мышах, – язвительно заметил Мышиный король. – Мы – мордочки не заинтересованные, и видим людей с такой стороны, с которой не мог видеть он. Ладно, начинай свое кукольное представление – ибо сказано». – «Ого, – восхитился Щелкунчик, – ты стал говорить словами Священного Писания! Такого в нашем тексте еще не бывало, – он громко скомандовал: – Барабанщик, мой верный вассал, бей общее наступление!» – и поднял сабельку.

(А для того, чтобы он дал, – тратят кучу времени на льщение ему и уверение в своей преданности.)

Парура

Тина шла по улице с айфоном в руках. Из ушей торчали наушники, и в них гремело: «Па-ру-ра!». Глаза Тины были полуприкрыты, голова ритмично покачивалась. Тело, как в простой арифметической задаче, двигалось равномерно и прямолинейно. Не глядя, девочка переходила запруженные транспортом дороги, иногда попадала под машины. Несколько раз ее переезжали самосвалы. У водителей случались сердечные приступы, но Тина, ничего не замечая и продолжая покачивать головой, шла дальше. Дома редели, появились лесопосадки, потом пруды и реки. Тина двигалась напрямик, тонула, но... под ритмы «паруры» выходила по дну на противоположный берег. Когда появлялось чувство голода – девочка, не вынимая из ушей наушников, покупала и поглощала хот-доги с пепсиколами.

Так, продолжая путь, дошла до края земли. Потому что забыла, что Земля круглая. Вновь решила поесть, но на краю Земли хот-догов не оказалось – только чипсы. Села, свесила в космос ноги и стала ими болтать, хрустя чипсами и покачиваясь под «паруру». Пока не подумала, что пора домой.

Сколько времени занял обратный путь – не имело значения. «Парура!» – бахали наушники. «Парура!» – напевала Тина. Войдя к себе в квартиру, прошла в кухню мимо что-то возбужденно говорящей мамы. Скорчив недовольную гримасу, извлекла из холодильника борщ и приступила к еде. И тут мама подскочила к ней, закричала:

«Да снимешь ты, наконец, свои наушники?!» – и выдернула их из дочкиных ушей. Тина упала без сознания. Мама в ужасе вызвала «скорую».

К счастью, на «скорой» приехал пожилой опытный врач. Внимательно выслушав возбужденную маму, он вздохнул и снова надел Тине наушники. Девочка стала приходить в себя и покачивать головой. Доктор сказал маме, что наушники можно снимать только после того, как очень медленно уменьшать в них громкость.

Тина выросла быстро. Уже через год к наушниковому «па-ру-ра» добавился компьютер, по которому она до двух ночи переписывалась в чате с подругами. Мама однажды попробовала оттащить ее от компьютера, но Тина тут же грохнулась в обморок, и мама все поняла.

Еще через год у девушки появились юноши, с ними были бесконечные терки, и она сутками обсуждала это по мобильнику со своими подругами.

Еще через год девушка поступила в институт на контрактной основе, покупала зачеты и экзамены и выискивала себе достойного состоятельного жениха.

Дальше – я не знаю, что было. Для того чтобы понять это, нужно слушать «па-ру-ра»... А я не слушаю.

Эй, в темноте!

- Эй, в темноте! Я говорю, эй, в темноте! Ну эй, пожалуйста...
- Чего тебе?
- А что вы делаете?
- Работаем, не мешай.
- Тогда почему молчите?
- А что говорить?
- Как у нас дела, что предвидится...
- Тебе зачем?
- Знать хочется. Страшно не знать.
- Думаешь, если знать, будет лучше?
- Наверно, нет. Но все равно хочется... А вдруг чего хорошее предвидится?
- Тогда и увидишь, когда время придет.

- А вдруг что-то пойдет не так?
- «Не так» не бывает. Все «так».
- Нет, ну если неприятное. Хотелось бы подготовиться.
- Ладно, подготовишься... А оно не наступит.
- Как не наступит? Разве не предопределено?..
- Предопределено... в данный момент. А в следующий все меняется.
- Ну хоть для данного момента быть готовым... Легче будет.
- Конечнo! Если тебе на голову с третьего этажа падает горшок с цветами, а ты уже в курсе – совсем другое дело! Или когда тебя любимая оскорбит и прогонит...
- Нет, ну зачем крайности?
- Слушай, мы же к тебе не пристаем: что у нас будет, когда будет?
- А разве то, что у вас, от меня зависит?
- От кого же еще? И вообще, вы нас уже задергали. Сегодня соберемся, будем решать: есть мы или нет.
- Но вы сообщите мне о своем решении?
- А толку? Даже если решим, что нас нет, ты ведь все равно вопросы задавать будешь, тебе же надо! В крайнем случае ответишь себе сам, но это как бы мы...
- Ага-ага. Так что, всяко можно обращаться?
- Что делать, обращайся. Как будто ты не одинок, и вся ответственность не на тебе. «Эй, в темноте...» Да светло у нас, светло!..

Игра

У вас не возникает ощущение, что два каких-то странных человека постоянно играют в морской бой? На просторах много кораблей, но те, что плавают долго, словно притягиваются к месту, где лежат тетрадные клетчатые листки, и попадают в игру.

- Зю-два, – говорит один человек.
- Ранен, – оглашает второй.
- Зю-три, – продолжает первый.
- Мимо.

На корабле пожар, два винта повреждены, но он еще может спастись, если капитан успеет вывести его из боя – за границу

квадрата. Только она невидима, угадать направление можно лишь по интуиции.

Иногда игроки переключают листки в сторону, и тогда в игру могут попасть корабли, недавно спущенные на воду. Некоторые из них, еще даже не ставшие паровыми, – с красивыми белыми парусами.

– Дринь восемь, – говорит один человек.

– Убит, – вздыхает другой.

Я не знаю, куда деваются подбитые корабли, но предполагаю, что становятся особенными подводными лодками – водяными. Поэтому их не видят аквалангисты, и поэтому они не мешают плавать рыбам. Если бы не это свойство, под водой было бы не протолкнуться.

И еще: когда вы идете по городу, не кажется ли вам, что все мы втянуты в эту игру? Вот дом, где жил ваш друг... Дринь восемь... Вот дом, где жила подруга... Пту четыре... И еще, и еще...

Есть много других домов, в них обитают незнакомцы. Но это не имеет значения, потому что ваша игра – в которой родные дома, любимые люди. И корабли. И если вы останетесь в боевом квадрате последним – не забудьте выключить свет, когда будете выходить из игры.

А водяные подводные лодки видят друг друга. Иначе какой во всем этом смысл? И главное: как бы они могли друг с другом здороваться там, под водой?

Короткометражка

Памяти В.С. Фельдмана и О.Ю. Ноткиной

Это был мой двенадцатый день рождения. Родственник дядя Витя вошел в комнату коммуналки, где мы тогда жили, торжественно пожелал мне здоровья и протянул подарок – маленький перочинный ножик. До этого у меня не было ничего подобного. Да и раз дарят такое, значит, я уже взрослый! С трепетом душевным я извлек темно-красный ножик из коричневого кожаного чехла. Рядом с двумя складными лезвиями были еще шило, пилка, ножницы, и ими что-то можно было делать! Все карандаши,

которые я нашел в доме, немедленно подверглись заточке. Все места, где можно было проковырять шилом дырочку, сразу же попали в оборот. Ногти на руках тут же были острижены складными ножницами. Но даже после этого я ежечасно доставал подарок из кармана и раскладывал его инструментальные составляющие так, будто руководил сложным тайным процессом. Потом, через годы, у меня появились настоящие слесарные инструменты. Но перочинный ножик не могло заменить ничто.

Когда дяде Вите исполнился девяносто один, я пришел в их с тетей Олей сверхэкономную квартиру, где борщ на газовой плите можно было помешивать, не вставая с унитаза за занавеской, и где свободного пространства в комнатах хватало аккурат на то, чтобы с трудом просачиваться между старой мебелью.

В данном случае подчеркивать взрослость именинника не имело смысла, пусть даже дарением наилучшего перочинного ножа. Поэтому в качестве подарка я принес вкусности.

Весь вечер на празднике, как обычно, звучали книжные беседы, и в самом прямом смысле чувство локтя не покидало втиснутых за стол гостей. Однако чем гуще становился за окнами сумрак, тем больше он напоминал приглашенным про честь, которую пора знать. Комнаты постепенно опустели. За столом остались лишь мы с именинником и тетей Олей. На меня как на родственника знание чести не распространялось. Тогда-то речь зашла об улицах Одессы, и дядя Витя, азартно потирая руки, за сорок минут изложил всю историю города с момента его основания до наших дней.

Избирательность памяти... Столько всего вокруг происходило и происходит, а в нее, словно гости в тесную квартиру, отчетливо втиснуты лишь отдельные слова и картинки. Дядя Витя, дарящий мне перочинный ножик... Дядя Витя, рассказывающий об Одессе, потирающий сухие ладони и глядящий сквозь толстые линзы очков... Эти эпизоды – клавиши, к которым достаточно прикоснуться, чтобы на экране показалась целая жизнь. Но если быть с собой по-режиссерски честным и не ориентироваться на кассовый сбор, возможно, я оставил бы для итогового фильма лишь их. Может быть, из многосерийного тогда получилась бы короткометражка... Немного жаль, но кто сказал, что для целостности нужно большее?